

Рабочий день был в самом разгаре. Я перебирала папки в столе, Маша писала полугодовой отчет, а Татьяна Леонидовна, наша заведующая, наводила порядок в шкафах, где хранились наиболее важные документы.

Было душно. Папки мне ужасно наскучили. Хотелось сбежать из офиса, уехать куда-нибудь, где не было бы этих бесконечных бумаг с комбинациями цифр и букв, глотнуть свежего воздуха, провести хотя бы день вне рабочего кабинета, и вне города.

Кто бы мог подумать, что возможность вырваться на свободу представится так скоро.

В дверь постучали. В офис вошла Наталья Николаевна, туроператор из соседнего офиса.

— Девочки, не хотите на Белую гору съездить? — поинтересовалась она. — А то места свободные остались.

— Белую гору? Где это? — спросили мы с Машей.

— Белогорский монастырь в двух часах от Перми. Езжайте, не пожалейте. Красота там неописуемая! Говорят даже, чудеса случаются.

— Чудеса? — хмыкнула Маша. — Абракадабра?

— Я, между прочим, на полном серьезе говорю. Бывали случаи, когда безработные работу находили, больные исцелялись, незамужние замуж выходили.

Последняя фраза меня зацепила. Все мои подружки замуж повыскакивали, а я все одна да одна. Обидно.

— Когда ехать-то надо? — спросила я.

— Завтра.

— Завтра мы работаем.

— Я вас отпущу, — подала голос Татьяна Леонидовна, по-прежнему разбиравшаяся с документами в шкафах.

— Правда? — удивилась я.

Заведующая у нас женщина добрая и отзывчивая, всегда все объяснит, совет даст, всегда поддержит, но к дисциплине относится строго, каждый день ценит, каждую минуту. Неужели она отпустит нас на экскурсию во время рабочей недели?

— Съездите, я сама с папками разберусь.

Вот тут-то я обрадовалась так, что аж на месте подскочила. Даже папки на пол уронила. Только ради того, чтобы уйти от этой нудной работы, я готова была ехать куда угодно.

— Я поеду! — радостно заявила я.

— А я нет. Я лучше с папками посижу, чем в такую даль тащиться, — проворчала Маша.

Следующим утром вместо того, чтобы ехать на работу и возиться с документами, я сидела в комфортабельном автобусе и смотрела в окно. Мимо проносились поля, леса, снова поля и снова леса. Я невольно задремала. А когда проснулась, увидела, что вокруг теперь деревянные домишки, пасущиеся коровы, пастухи на лошадях и прочие составляющие сельской жизни. Вот люди молодцы! На воле живут, скот пасут, природа вокруг! Мне бы так сейчас вскочить на лошадь и помчаться по полю! Э-ге-гей!

Представив себя верхом на лошади, я чуть было и в самом деле не заорала на весь автобус: «Э-ге-гей!» К счастью, вовремя вспомнила, что все-таки я не ковбой, а работник офиса, натянула на лицо мину серьезности, чуть нахмурилась и вновь усталилась в окно.

Храм появился совершенно неожиданно. Коровы, пастухи, поля, и тут бац — Он! Белый и большой. На холме. Высоком-высоком!

Автобус стал подниматься вверх. Я нетерпеливо заерзала на месте. Мне не терпелось выпрыгнуть из автобуса и оглядеть окрестности. Наверняка вид с этого холма должен быть поразительным.

Мои ожидания меня не обманули. Будь я писателем, я бы, наверное, описала увиденное как-нибудь так: «Темно-зеленые островки леса, нежные салатные озера полян, вьющаяся жемчужно-белая лента дороги, убегающая вдаль и сливающаяся с горизонтом, где в васильковой, призрачной дымке жизнь земная встречается с жизнью вечной. Мягкий ветер, родившийся среди лесов и цветущих полей, вселяет в душу свет и радость. Дивным воздухом Белогорья невозможно надышаться».

Но писателем я никогда не была, а потому просто скажу: вид был потрясающим. Онемев, я стояла на краю холма и судорожно втягивала в себя воздух. Хотелось стоять здесь вечно, но голос экскурсовода вывел меня из созерцания.

Она долго рассказывала нам, как век назад шли сюда тысячи паломников и как в непогоду, когда монастырь прятался в тумане, в колокола звонили целый день, чтобы путники не заблудились. Рассказывала о чудесах, которые происходили здесь. О людях, которые посвятили жизнь Белогорскому монастырю. О тех, кто пострадал во время репрессий, отдав за веру жизнь, и о тех, кто стал восстанавливать монастырь, когда он был почти разрушен.

Потом нас провели в сам храм. Обычно, когда я раньше заходила в храмы, то ощущала себя чужой, словно Герда в гостях у снежной королевы. Но здесь я отчего-то чувствовала себя как дома.

Экскурсовод рассказывала нам о каждой иконе, поясняя значения тех или иных символов, говорила об истории храма, а когда экскурсия

подошла к концу, поведала нам о чуде, произошедшем с одной из прихожанок:

«Приехала к нам месяц назад женщина лет пятидесяти. Татьяной Леонидовной звали. Остановилась в соседней деревеньке и частенько стала в храм приходить. Придет, вначале к иконе Божьей Матери приложится, потом к иконе Николая Чудотворца подойдет, иконе святого Пантелеймона поклонится, службу выстоит, постоит в самом дальнем уголке и уйдет. На исповеди я ее никогда не видела. Лицо у нее всегда серьезным было, уголки губ книзу опущены, а на глазах — то и дело слезы выступали. Ну, думаю, беда у нее какая-то.

Как-то раз подошла к ней после службы, разговорились мы. Оказалось, в наши края ее болезнь привела: онкологию полгода назад обнаружили. Ей кто-то из знакомых посоветовал к нам приехать. Мол, съезди, случаются же чудеса, может быть, и ты исцелишься. Она и поехала. Призналась, что каждый день к чудотворным иконам прикладывается, но лучше ей не становится.

— А на исповедь вы не ходили? — спрашивала ее я.

— Нет, — отвечала женщина. — Не ходила. Ни разу за всю жизнь на исповеди не бывала. Страшно подумать, сколько грехов накопилось. Ни одной службы не хватит, чтобы их все перечислить.

Я таки посоветовала ей на исповедь сходить. В то время у нас отец Даниил служил, старенький-старенький. Многие его прозорливым называли. Так оно и было на самом деле. Татьяна моему совету не сразу последовала. Конечно, кому ж охота все свои грехи припоминать! Только перед самым своим отъездом решила.

Исповедовалась и причастилась. Взглянула я на нее после причастия и удивилась. Так Татьяна преобразилась, что и не узнать. На лице впервые улыбка появилась, глаза радостные-радостные, да и сама она словно вся изнутри светилась. Увидела меня, говорит, что батюшка наш действительно прозорливый. Она ему все грехи, что помнила, назвала, а он все настаивал, что один какой-то грех она позабыла. Вспоминает-вспоминает, а вспомнить не может. А батюшка ей и тогда и сказал: «Ты в детстве муравейники жгла и жучкам лапки отрывала». Ох, как Татьяна удивилась! Действительно, было такое. Но она уж то позабыла давно, на детскую глупость списала. А у Господа, оказывается, каждое живое существо на счету...

На следующий день домой она уехала.

— Прощай, Анечка, — говорит мне. — Может, больше и не свидимся.

Но Бог милостив, свиделись. Приехала она к нам недели через две, и вся цветущая, радостная. На лице улыбка. Встретила меня, говорит:

— Аня, здравствуй, милая! Спасибо тебе, что на исповедь и причастие меня отправила! Исцелил меня Господь! Исцелил! Вся болезнь прошла, без остатка растворилась. Обследование повторное прошла, врачи лишь руками развели.

Вот, оказывается, грехи какое действие над нами имеют, душу терзают, а из-за души и тело мучается, а исповедь с причастием душу исцеляют, а вместе с душой и тело исцеляется».

После экскурсии нас отвели в трапезную, накормили, затем посадили в автобус. Всю обратную дорогу до дома я думала, правдива или нет та история, что нам экскурсовод рассказала. Ведь если правдива, если такие исцеления и в самом деле случаются, то нет в этом мире ничего невозможного. Если Бог людей от всяких болезней исцеляет, то и от одиночества может спасти.

На следующий день пришла на работу, в обеденный перерыв стала о своей поездке на Белую гору рассказывать, заодно и историю, что экскурсовод нам поведала, пересказала.

— Да это она вам для красного словца сказала, — не поверила Маша. — Не может такого быть.

— Может, — вдруг отозвалась наша заведующая.

— Татьяна Леонидовна, неужели вы верите? Разве такое возможно?

— И не такое, Машенька, возможно. Я вам завтра кое-что покажу, сами увидите.

Нам с Машей стало безумно интересно. На следующий день, придя на работу, заведующая показала нам два снимка.

— Что это? — удивились мы.

— Вот такая болезнь в моей голове сидела, — произнесла она, указав на первый снимок. — После исповеди, которую я в первый раз на Белой горе прошла, и когда причастилась, следа от нее не осталось.

Мы, не веря своим глазам, смотрели на снимки.

— Так вы и есть та самая Татьяна Леонидовна? — изумленно выдохнула я.

— Та самая и есть, — улыбнулась заведующая.

